

Дебютные сборники А. Платонова «Епифанские шлюзы» и «Сокровенный человек» в оценках критики

Руслан Поддубцев

Данная работа представляет анализ критических отзывов на дебютные сборники прозы А. Платонова «Епифанские шлюзы» и «Сокровенный человек». Автор предпринимает попытку определить познавательное значение тенденциозных текстов.

Ключевые слова: Андрей Платонов, «Епифанские шлюзы», «Сокровенный человек», столичный дебют, критика.

В июле 1927 г. издательство «Молодая гвардия» опубликовало первый сборник прозы Андрея Платонова «Епифанские шлюзы». Помимо заглавной повести в книгу вошли повесть «Город Градов», циклы рассказов «Записки потомка» и «Из генерального сочинения», а также рассказы «Бучило», «Песчаная учительница», «О потухшей лампе Ильича», «Иван Жох». По меткому замечанию Е. Шубиной, «Епифанские шлюзы» – это «и начало зрелого писателя, и подведение итогов»¹. Первый сборник прозы Платонова действительно получился неоднородным: с ранними воронежскими рассказами соседствовали произведения другого типа. От фантастики и деревенских баек писатель перешел к изображению реальности, обладающей историческими приметам. Необходимо подчеркнуть, что в последующих произведениях – начиная с «Сокровенного человека» – Платонов вернется к сюжетам, которые волновали его в юности, но будет развивать их по-новому.

«Епифанские шлюзы»

Известны лишь три небольшие рецензии на сборник «Епифанские шлюзы». Одна появилась в московском журнале «Книга и профсоюзы», две других – в ленинградских периодических изданиях: «Красной

Поддубцев Руслан Александрович – аспирант кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, poddubtsev@gmail.com

газете» (вечерний выпуск) и газете «Смена». Их авторы дают в целом положительную оценку литературным опытам Платонова, выделяя тексты, созданные недавно. Л. Дашков из журнала «Книга и профсоюзы» резюмирует: «“Епифановские [так. – Р.П.] шлюзы” – неровная, местами сырая, недоделанная, написанная как будто с поспешностью, и все же интересная книга»². Создается впечатление, что этот отзыв тоже написан «с поспешностью». Во-первых, Дашков неверно воспроизвел название рецензируемого сборника, а во-вторых, перепутал российских императоров Петра II и Петра III, говоря о рассказе «Иван Жох». Впрочем, критик из газеты «Смена» (инициалы – «В.Я.»), «превзошел» его, сделав ошибки в названиях всех ключевых произведений. Если «Епифановские шлюзы» и «Город Гдов» выглядят как опечатки, то «Потухшие лампочки Ильича» сложно объяснить банальной небрежностью. Читал ли «В.Я.» платоновские тексты? Заглавную повесть он оценивает высоко, а «Город Градов» осуждает: «...на основании каких данных обобщает автор Шмакова в тип советского работника, а “Город Гдов” [так. – Р.П.] в жизнь советской провинции.

При самом тщательном анализе станет очевидным, что никаких оснований для обобщения нет. Ибо наша советская провинция – это полный лихорадочным строительством, новой жизнью город»³. Налицо политическая ангажированность рецензента. Тем не менее в его словах содержится конструктивное литературоведческое зерно – указание на очевидную связь «Города Градова» с «Историей одного города» М. Салтыкова-Щедрина. В дальнейшем филологи будут единодушно писать о Платонове как о продолжателе сатирической традиции XIX в.

Журналист из «Красной газеты» (инициалы – «П.Р.»), в отличие от своих коллег, проявил поразительную осведомленность. Он начал с краткой библиографии:

припомнил платоновский рассказ «Маркун» и сборник стихов «Голубая глубина» (оба вышли из печати пятью годами ранее). Критик отводит центральное место трем сочинениям. В «Городе Градове» он видит беспощадно меткую сатиру. «Песчаную учительницу» хвалит за редкую убедительность и отсутствие тенденциозности, тут же добавляя, что она «организует психику читателя в направлении нужной и полезной работы, заражает пафосом социалистического строительства»⁴. А вот рассказ «О потухшей лампе Ильича», по мнению «П.Р.», производил бы более бодрое впечатление, если бы состоял только из трех глав. Так же, очевидно, рассуждал в 1926 г. редактор «Журнала крестьянской молодежи», напечатавший этот текст под названием «Как зажглась [курсив наш. – Р.П.] лампа Ильича» и вычеркнувший финальную сцену поджога электростанции.

Достоинство рецензии, помещенной в «Красной газете», заключается не в хорошей памяти ее автора и не в оригинальности аналитического подхода (требование бодрости, цельности и созидательного пафоса – общее место). «П.Р.» первым заговорил о поэтике прозы Платонова. Он констатировал: «Для стиля книги характерны причудливые названия («Чульдик и Епишка», «Демьян Фомич – мастер кожного ходового устройства»), обилие цитат из абсурдных сочинений различных уездных мудрецов, любовь к графическим украшениям (вывески в рамках, титульные листы сочинений и т.д.), архаизмы в языке»⁵. Все это верно. Вместе с тем перечисленные приметы не присущи платоновским произведениям 1930–1940 гг. «Епифанские шлюзы» – особая книга. Работая над ней, писатель пробовал себя в разных жанрах, экспериментировал с лексикой и синтаксисом, извлекая уроки из собственных неудач. Еще до публикации сборника он сообщал жене из Тамбова: «Вот – “Епифанские шлюзы” [повесть. – Р.П.]. Я написал

их в необычном стиле, отчасти славянской вязью – тягучим слогом. Это может многим не понравиться. Мне тоже не нравится – так как-то вышло. Пускай остается»⁶. Видимо, Платонов чувствовал, что он способен на большее. Отсюда некоторая творческая неудовлетворенность. Так или иначе, его всесоюзный дебют состоялся: начало было скорее многообещающим, чем триумфальным. С одной стороны, талант Платонова еще не раскрылся в полной мере, с другой – не хватало интересных, глубоких критических откликов. Н. Корниенко в связи с этим замечает: «Не совсем понятно, почему опытный редактор и издатель [Г.З. Литвин-Молотов. – Р.П.] не организовал кампанию поддержки и рекламы 1-й книги выводимого им в московский свет писателя. Укажем лишь на одну из возможных причин – крайне напряженную внутривластную ситуацию, в связи с выступлениями партийной оппозиции, к которой весной-летом 1927 г. примкнули некоторые известные литераторы и критики»⁷. Оппозиция – это в первую очередь Лев Троцкий и Григорий Зиновьев. А «примкнувшие» к ней критики – вдохновитель группы «Перевал» Александр Воронский, а также Абрам Лежнев, Дмитрий Горбов и их единомышленники, не посвятившие Платонову ни одной статьи.

Платонов и Горький

И все же «Епифанские шлюзы» не затерялись в общей массе книжных новинок. Сборник прочел житель Сорренто Максим Горький. В нескольких письмах на родину он упоминает о Платонове. Весточки из-за границы, не являющиеся литературно-критическими откликами, тем не менее заслуживают внимания. Авторитет Горького был настолько велик, что одно его письмо могло сыграть в судьбе писателя – особенно новичка – более важную роль, чем колонка какого-нибудь советского публициста. Творческая манера Платонова пришлась

по душе почетному эмигранту. Ознакомившись с «Епифанскими шлюзами» в августе 1927 г., Горький рекомендует эту книгу своим знакомым. Илье Вольфсону он пишет: «Удивительное разнообразие типов [курсив наш. – Р.П.] у нас, и хорошая дерзость. Понравились мне – за этот год – Андрей Платонов, Заяицкий, Фадеев и Олеша»⁸. Подробности отсутствуют. У Горького Платонов стоит бок о бок с авторами, далекими от него не только по духу, но и по масштабу. Создается впечатление, что перечень фамилий случаен и это картонная иллюстрация «разнообразия типов».

Многолетние взаимоотношения Горького и Платонова внимательно изучил Л. Аннинский. Он исчерпывающе прокомментировал «одиннадцать с половиной» (выражение исследователя) писем из Италии: «Горький его [Платонова. – Р.П.] прочел, но вряд ли вчитался. <...> Это не личное отношение к тексту, не проникновение в сердцевину опыта, это – именно беглое касание [курсив наш. – Р.П.], подробность литературной жизни. И тут из Горького много не извлечешь»⁹. Кое-что извлечь все-таки можно. Примечательно, что в 1927 г. сочинения Платонова (даже проблемный рассказ «О потухшей лампе Ильича» и сатирическую повесть «Город Градов») никто не считал оппозиционными – рецензенты осуждали лишь отдельные идеологические недостатки. Не обнаружил в них крамолы и Горький. Тем самым он как бы присвоил «Епифанским шлюзам» статус благонадежной книги.

Не успел – в буквальном смысле – выйти в свет дебютный сборник писателя, а большая часть материала для следующего уже была готова. В конце мая 1927 г. у него на столе лежала повесть «Сокровенный человек». Летом писатель создал начальные главы «Строителей страны» (ранний вариант романа «Чевенгур», сырой текст), а также «Ямской слободы». Он работал чрезвычайно быстро, не испытывая недостатка

ни в темах, ни в сюжетах. Не получив еще авторских экземпляров «Епифанских шлязов», Платонов попытался напечатать «Сокровенного человека» в журналах «Новый мир» и «Красная новь». Оба периодических издания отвергли эту повесть.

Платонов и Воронский

Тем не менее Александр Воронский был заинтересован. В августе редактор «Красной нови» делится с Горьким своими мыслями: «Мне нравится Андрей Платонов, он честен в письме, хотя еще и неуклюж [курсив наш. – Р.Л.]. У меня есть его повесть о рабочем Пухове – эдакий русский Уленшпигель, – занятно»¹⁰. Сохранилось еще одно свидетельство. 14 июля 1927 г. Платонов сообщил Марии Кашиной: «Воронский назвал вещь первым образцом беспримесной пролетарской литературы. – “Никакого комханжества и комлакейства нет, вещь очень резкая, твердая и даже несколько излишне спрессована”, – сказал он. К сожалению, он власть потерял»¹¹. Какую «вещь» имеет в виду писатель – книгу «Епифанские шлязы» или повесть «Сокровенный человек»? Это не так уж и важно, поскольку к тому времени Воронский и правда «власть потерял». Теперь его мнение весило меньше, чем в начале 1920 гг. Осенью «Красную новь» передадут в руки Владимира Васильевского, Федора Раскольникова и Владимира Фриче.

Это все, что нам известно об отношении Воронского к сочинениям Платонова. Почему наставник перевальцев, защищавший принцип органичности творчества, не написал об одном из самых органичных авторов? Галина Воронская объясняла молчание своего отца нехваткой времени и особенностями индивидуального вкуса. Г. Белая предложила другой ответ: «Зрелые произведения Платонова были опубликованы тогда, когда Воронский настойчиво призывал писателей окрашивать свои произведения “центром”, т.е. партийной

установкой на создание государственного искусства. И эта установка, и ментальность – этическая и эстетическая – революционной литературы были уже ментальности “решающего человечества”, с которой Платонов себя отождествлял»¹². Критик и писатель принадлежали к разным эпохам. Первый не мог обойтись без ссылок, сравнивал Пухова с Уленшпигелем, оглядывался, чтобы найти опору в традиции. Второй смотрел в будущее словесности и превращал его в настоящее в своей прозе. Воронский не был готов воспринять платоновский модернизм во всей его полноте.

«Сокровенный человек»

Одним из первых «Сокровенного человека» прочел Г.З. Литвин-Молотов. 16 июня 1927 г. рукопись повести поступила в издательство «Молодая гвардия». Через некоторое время давний знакомый написал Платонову письмо, в котором речь шла главным образом о «Строителях страны», но упоминался и «Сокровенный человек». Главный редактор «Молодой гвардии» рассуждал: «Я не могу говорить о новой вашей повести вне сравнения ее с предыдущей повестью “Сокровенный человек”. Последняя возбуждает по прочтении ее какое-то особенное здоровое чувство, в ней вместе с ростом Пухова растет и это чувство у читателя, героика, данная в повести, несмотря на неудачи в концах героических начинаний, передает дух прошедшей эпохи и не сдирает с нее кожу»¹³. Стоит обратить внимание на слово «здоровое», выделенное Литвиным-Молотовым. Выбор прилагательного продиктован критическим подходом автора письма. По мнению Е. Шубиной, Литвин-Молотов рассматривает платоновскую повесть с позиции здравого смысла. Можно добавить: не только эту повесть, но и все прочие произведения.

Летом 1927 г. писатель заключил договор на новую книгу с издательством «Молодая гвардия» (рабочее название – «Настоящие

люди»). В нее должны были войти повести «Сокровенный человек» и «Эфирный тракт», а также рассказ «Лунный изыск» («Лунная бомба»). Подготовка растянулась на полгода. Тем временем Платонов напечатал в ноябрьском номере журнала «Молодая гвардия» повесть «Ямская слобода».

Сдержанную оценку дает этому произведению Д. Нивич из «Красной газеты». Он полагает, что у автора «Ямской слободы» есть «склонность к “сильно действующим” средствам», которая проявляется, в частности, в том, что он заставляет своего героя Филатку «мыслить слишком образно»¹⁴. Не утруждая себя какими-либо объяснениями и не вдаваясь в подробности, рецензент подводит итог: «Без подобных эффектов можно было обойтись. Да и видно по повести, воспринимаемой в общем как произведение писательское, а не любительское, что Платонов без этих эффектов обойтись в состоянии»¹⁵. Понятно, что Нивич, анализирувавший одиннадцатый номер «Молодой гвардии» целиком, не мог себе позволить уделить много внимания каждому автору. И все же стоило хотя бы ознакомиться с творческой биографией Платонова. Уже опубликованы «Епифанские шлюзы» и «Город Градов», готовится к изданию «Сокровенный человек», а критик едва не причисляет писателя к любителям. Федор Жиц из «Вечерней Москвы» обошелся с «Ямской слободой» деликатнее, подчеркнув лишь, что у Платонова есть «данные талантливого бытописателя»¹⁶. Серьезного обсуждения на этот раз не получилось. Но в начале 1928 г. «Молодая гвардия» наконец издала книгу «Сокровенный человек». Первоначальный замысел не был реализован: «Эфирный тракт» и «Лунный изыск» вытеснила уже знакомая читателям «Ямская слобода». Критика приняла этот сборник лучше, чем «Епифанские шлюзы».

Сотрудник «Вечерней Москвы» Федор Жиц, еще месяц назад посвятивший Платонову одно короткое предложение, успел

разглядеть в нем крупного автора. Теперь он утверждал: «У Платонова свой особый голос, свои интонации, своя манера письма, и этим самым материал общего писательского потребления – гражданская война – делается его собственной неповторимой темой»¹⁷. Рецензент проводит неожиданную параллель между Фомой Пуховым и главным героем романа «Чапаев». Жиц пишет: «Пухов как тип смежен фурмановскому Чапаеву – в том и другом бездна сил, энергии и сметки, но анархически бесформенных и рассеянных»¹⁸. Это сравнение очень поверхностно. Карнавальная повесть и реалистический роман представляют собой не только разные жанры, но и разные эстетические системы. Понятие «тип» неприменимо к такому персонажу, как Фома Пухов. Его бесполезное балагурство – враг серьезности. Чапаеву же сметливость приносит официальное признание. Важно, однако, стремление Жица вписать творчество Платонова в советский контекст: до и после него сделать это пробовали немногие. От сюжета рецензент переходит к языку: «Автор, по-видимому, усердно работает над стилем. Правда, кое-где попадают словесные срывы. Но и сейчас уже Платонов овладел *тайной детали* – умением показать сущность вещи через наиболее характерную для нее подробность»¹⁹. Перед нами взгляд скорее рядового читателя, чем критика. Жиц избегает конкретики, использует клише («словесные срывы»). Он хвалит Платонова, в чем-то даже подражая ему («материал общего писательского потребления»). И все же Жицу удалось заметить одну существенную особенность платоновской прозы. Рецензент пишет: «При наличии подлинного мастерства – старые, давно знакомые вещи начинают казаться *впервые показанными* [курсив наш. – Р.П.] и оформленными»²⁰. Он имеет в виду гражданскую войну, как бы «ожившую» в повести «Сокровенный человек». Жиц, без сомнения, не претендовал на теоретичность и

универсальность. Тем не менее его слова переключаются с отрывком из знаменитой статьи В.Б. Шкловского «Искусство как прием»: «...для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством. Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимчивый процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен...»²¹. Рецензент из «Вечерней Москвы», по сути, говорит об «остранении», не пользуясь этим термином. И он прав. Не только в «Сокровенном человеке», но и в других текстах Платонов часто именно «показывает» обыденные вещи, избегая апелляций к культурному опыту. О. Меерсон в монографии «“Свободная вещь”. Поэтика неостранения у Андрея Платонова», казалось бы, постулирует обратное. Однако это не так. «Остранение» и «неостранение» представляют собой не взаимоисключающие, а дополняющие друг друга приемы – они оба противостоят узнаванию. Комментируя примеры, Меерсон поясняет, что «одна из возможных функций неостранения – это оттягивание и усиление остранения...»²². Можно говорить как о поэтике «остранения», так и о поэтике «неостранения» в платоновских произведениях. Таким образом, скромное наблюдение Жица ценно.

Журнал «Молодая гвардия», в свою очередь, откликнулся на публикацию «Сокровенного человека» довольно слабой рецензией. Дружелюбно настроенный критик М. Сокольников препарирует заглавную повесть, вооружившись социологической методологией: «Путь Фомы Пухова – путь многих рядовых *средних рабочих* [курсив наш. – Р.П.], еще не вполне пролетаризированных в условиях нашей провинциальной, полудеревенской рабочей действи-

тельности, но “через сердце”, после сложных душевных переживаний и напряжения умственной силы, входящих в семью пролетарского актива»²³. Во второй половине 1920 гг. на страницах журналов шла дискуссия о «живом человеке», инициированная рапповцами, которые выдвинули демагогический лозунг: необходимо преодолеть схематизм в изображении советских людей. Сокольников не мог не следить за ходом этой дискуссии. Он демонстрирует свою компетентность: «Повесть “Сокровенный человек” <...> принадлежит к тем важным сейчас произведениям, которые заняты разработкой вопроса о живом человеке в революции»²⁴. Едва ли Платонов принимал всерьез рапповские лозунги. Литературные бюрократы боролись за «углубленный психологизм» в духе Льва Толстого и призывали показывать людей как продукт той или иной общественной среды. Автор «Сокровенного человека» все сделал наоборот. В художественном мире платоновской повести (как и в революционной действительности) нет ничего завершенного, писатель создает его как бы «в присутствии» читателя. Центральный персонаж произведения Фома Пухов непостоянен. Т. Лангерак точно подметил: «В “Сокровенном человеке” мы имеем дело не с традиционным героем, воззрения которого развиваются под воздействием изменений в личной жизни, столкновений с внешним миром и т.п., а с героем фрагментарным, нецельным, который в каждой новой ситуации заново старается найти свою точку зрения»²⁵. Вопрос о психологизме, а также о «живости» Пухова снимается автоматически.

Неоднозначный отзыв на книгу «Сокровенный человек» написал критик из «Нового мира» Николай Замошкин. Каждое одобрительное суждение он сопровождал оговорками, указанием на недостатки. Судя по покровительственному тону, Замошкин хотел поддержать Платонова. Нуждался ли

писатель в такой поддержке? В рецензии много резких формулировок: «Говоря вообще, А. Платонов способен вывести читателя из терпения, настолько иногда тяжел (языком, что хоботом, ворочает) его язык и так перегружен – не по-молоду, а по-старчески – его слог всяческими смысловыми трудностями. Тут есть, конечно, доля того, что принято называть “покушением с негодными средствами” [курсив наш. – Р.П.]. Но главное-то заключается в другом: в отсутствии у писателя поверхностного подхода к жизни, к судьбе человеческой в революции»²⁶. Минусы тут выходят на первый план, затмевая плюсы. Перегруженность языка, вызвавшая неприязнь Замошкина, является не чем иным, как «приемом затрудненной формы», о котором писал Виктор Шкловский. С помощью этого приема Платонов приостанавливает или преодолевает время. Заключительное предложение рецензии уже совсем похоже на издевку: «...может случиться, что при дальнейшей художественной работе его [Платонова. – Р.П.] “сокровенные” думы принесут вполне зрелые плоды»²⁷. Нужно полагать, Замошкин решил объяснить своим товарищам и самому себе, почему год назад журнал «Новый мир», с которым он сотрудничал, не напечатал высококлассную платоновскую повесть.

Итак, в 1927-1928 гг. Платонов заявил о себе в Москве. По мнению В. Чалмаева, многое в литературной жизни того времени благоприятствовало быстрому росту писателя. Исследователь поясняет: «Механизм разрушения новых идей, индивидуальных позиций еще не обрел своей опустошающей силы»²⁸. Действительно, столичный дебют Платонова состоялся в период

относительной идеологической свободы. Через несколько лет издатели отвергли бы созданные им тексты, не помогло бы даже пролетарское происхождение. Сборники «Епифанские шлюзы» и «Сокровенный человек» не вызвали бурной реакции критики, при этом «за кулисами» их автора хвалили. Большинство статей, посвященных творчеству Платонова второй половины 1920 гг., написано с оглядкой на Плеханова и Богданова. Их авторы, как правило, ограничиваются поисками социологического эквивалента того или иного художественного образа. Но иногда им удается сделать ценные замечания, касающиеся поэтики (связь с сатирической традицией XIX в., «остранение»). Объединяет же все статьи одно: «Серьезность и самобытность писателя, за редким исключением, не подвергаются сомнению»²⁹. Скромный итог.

Сущности эстетического переворота, совершенного Платоновым в словесности, никто не постиг. Почему крупные литературные критики первого советского десятилетия прошли мимо талантливого воронежца? Когда увидела свет книга «Епифанские шлюзы», Воронский уже утратил влияние, которым обладал в начале 1920 гг. Перевальцы и рапповцы расходовали силы в борьбе друг с другом. Шкловский по непонятным причинам проигнорировал Платонова, с которым был лично знаком. Потом он признавался: «Я считаю, что я в огромном долгу перед ним [Платоновым. – Р.П.]: я ничего о нем не написал»³⁰. Кажется, всеобщее молчание парадоксальным образом помогло дебютанту. Наверху – в высших партийных кругах – не заметили, как Платонов занял свое место в литературе и завоевал имя.

* * *

- ¹ Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. М., 1994. С. 152.
- ² Дашков Л. Рец. на кн.: А. Платонов. Епифанские шлюзы. Рассказы. М., 1927 // Книга и профсоюзы. 1927. № 7-8. С. 48.
- ³ В.Я. Рец. на кн.: А. Платонов. Епифанские шлюзы. Рассказы. М., 1927 // Смена. 1927. Сент., 17.
- ⁴ П.Р. Рец. на кн.: А. Платонов. Епифанские шлюзы. Рассказы. М., 1927 // Красная газета. (Вечерний выпуск). 1927. Окт., 12.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Цит. по: Архив А.П. Платонова. Кн 1. М., 2009. С. 465.
- ⁷ Там же. С. 481.
- ⁸ Горький М. [Письмо И. В. Вольфсону от 2 октября 1927 г.] // Архив А.М. Горького. Т. 10. М. Горький и советская печать. Кн. 1. М., 1964. С. 43.
- ⁹ Аннинский Л.А. Откровение и сокровение: Горький и Платонов // Литературное обозрение. 1989. № 9. С. 4.
- ¹⁰ Воронский А. [Письмо М. Горькому от 11 августа 1927 г.] // Архив А.М. Горького. Т. 10. М. Горький и советская печать. Кн. 2. М., 1965. С. 57.
- ¹¹ Цит. по: Архив А.П. Платонова. Кн. 1. С. 489.
- ¹² Белая Г.А. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М., 2004. С. 211.
- ¹³ Цит. по: Андрей Платонов: Воспоминания современников. С. 218-219.
- ¹⁴ Нивич Д. Новые книги // Красная газета. (Вечерний выпуск). 1928. Янв., 3.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Жиц Ф. Среди книг // Вечерняя Москва. 1928. Янв., 20.
- ¹⁷ Жиц Ф. Среди книг // Вечерняя Москва. 1928. Февр., 10.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1983. С. 15.
- ²² Меерсон О. «Свободная вещь». Поэтика неостранения у Андрея Платонова. 2-е изд., испр. Новосибирск, 2001. С. 20.
- ²³ Сокольников М. Рец. на кн.: А. Платонов. Сокровенный человек. М., 1928 // Молодая гвардия. 1928. № 3. С. 205.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Лангерак Т. Андрей Платонов. Материалы для биографии 1899–1929 гг. Амстердам, 1995. С. 176.

- ²⁶ Замошкин Н. Рец. на кн.: А. Платонов. Сокровенный человек. М., 1928 // Новый мир. 1928. № 3. С. 270.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Чалмаев В.А. Андрей Платонов: К сокровенному человеку. М., 1989. С. 224.
- ²⁹ Иванова Л.А. Творчество А. Платонова в оценке советской критики 20–30-х годов // Творчество А. Платонова: Статьи и сообщения. Воронеж, 1970. С. 176.
- ³⁰ Цит. по: Андрей Платонов: Воспоминания современников. С. 183.